

А.М. Либман

Свободный университет Берлина, Германия

Границы и кризисы социальных наук: трудности картографии

Аннотация. Статья В.В. Радаева с описанием детальной дискуссии о динамике развития экономической социологии и общественных наук в целом позволяет задуматься о двух взаимосвязанных проблемах, каждая из которых имеет фундаментальный характер. Во-первых, как выглядят границы дисциплин и научных сообществ в современной реальности, когда прочертить их (в том числе за счет постоянного роста масштаба междисциплинарных исследований) становится все сложнее. Во-вторых, как меняют фундаментальные технологические инновации современность — например расцвет экономики платформ и искусственного интеллекта — основные положения общественно-научных теорий? В какой момент мы можем сообщить о принципиально новой реальности, которая больше не будет описываться языком существовавших ранее теоретических и эмпирических инструментов? В настоящей реплике я попытаюсь последовательно обсудить основные тезисы статьи Радаева, соответствующие каждой из этих дискуссий. Мои главные аргументы сводятся к двум положениям. Во-первых, описать границы общественных наук с помощью заранее заданных критериев в современной реальности практически невозможно — более того, эти критерии сами являются риторической конструкцией, используемой исследователями для удержания монополии над теми или иными исследовательскими темами или методами. Границы наук на практике определяются интересами ученых, относящихся к тем или иным сообществам — и ничем иным. Во-вторых, важно быть осторожным при оценке последствий технического прогресса для тех или иных общественно-научных дисциплин — эти последствия сильно различаются в зависимости от типа теорий, господствующих в этих дисциплинах.

Ключевые слова: *экономическая социология, социальные науки, экономическая теория.*

Классификация JEL: A12, A14, D01, Z13.

Для цитирования: **Либман А.М.** (2025). Границы и кризисы социальных наук: трудности картографии // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (69). С. 258–264.

DOI: 10.31737/22212264_2025_4_258-264

EDN: MESOGP

Границы экономики и социологии

В своей работе «Экономическая теория, экономическая социология и грядущее перекаривание карты социальных наук» В.В. Радаев¹ документирует впечатляющую динамику развития экономической социологии и описывает ее сложные отношения с экономической наукой — замечательный пример того, как две дисциплины оспаривают один и тот же предмет. Абсолютно справедливо отвергая дифференциацию экономики и социологии с точки зрения предмета и метода, В.В. Радаев все же пытается картографировать их границу, исходя из подходов к моделированию человеческого действия. Предложенная Радаевым типология (экономисты как сторонники «упрощения» сложных социальных явлений и социологи, склонные к «усложнению» казалось бы простых феноменов) представляется убедительной, избегая традиционных упрощений. И именно поэтому сложно определить границы наук — даже такой нюансированный подход не обязательно подходит для выявления пределов экономики и социологии.

¹ См. статью в этом номере (с. 233–249).

Первый вопрос, который возникает в этой связи, о какой экономике и о какой социологии идет речь. В отношении экономики ответ на этот вопрос является однозначным — экономическая наука (о чем справедливо пишет В.В. Радаев) представляет собой единую и хорошо организованную корпорацию (в которой, правда, присутствуют и аутсайдеры — гетеродоксы, но их ролью можно пренебречь). Проблема, однако же, состоит в том, что границы корпорации экономистов на сегодняшний день определяются не склонностью использовать определенные модели и не представлением о природе человеческого поведения, а в основном вниманием к определенным методам. Эмпирический и экспериментальный поворот привели к тому, что подавляющее большинство экономистов сегодня представляют собой специалистов в поиске и интерпретации полевых и естественных экспериментов (Либман, 2024). Конечно, это известное упрощение — во-первых, потому что оно игнорирует существование экономистов-теоретиков и макроэкономистов, а во-вторых, потому что даже экономисты-эмпирики в процессе профессиональной подготовки изучают экономическую теорию и использующуюся в ней модель человека (Mas-Collel, Whinston, Green, 1995). Однако в своей исследовательской практике многие экономисты в принципе не опираются на те или иные модели человеческого поведения, а используют достаточно эклектичную смесь его разных теоретических предсказаний из различных дисциплин.

Ситуация в отношении социологии же является гораздо более сложной. Эта дисциплина является внутренне гораздо более неоднородной и по-прежнему — более «национальной», чем экономика, что ведет к существенным различиям между отдельными сообществами стран и внутри них. Так, в немецкой социологии отношения между «количественниками», опирающимися преимущественно на статистические методы эмпирического анализа, и «качественниками», к которым относятся разные подходы (от сторонников теории систем Лумана до критических социологов), являются настолько сложными, что в 2017 г. «количественники» сочли необходимым выйти из Немецкой социологической ассоциации (DGS) и основать собственную Академию социологии (AS). Если «качественные» социологи считают, что «количественные» социологи перестали быть социологами в принципе, то «количественные» социологи считают, что работы «качественных» социологов не соответствуют критериям научности. Как базовые теоретические концепции, так и практически все аспекты научных практик (например, роль научных журналов — в «качественной» социологии они играют второстепенную роль, или отношение к позиции «публичных интеллектуалов» — практически все они в Германии относятся к группе «качественных» социологов и не вызывают интереса у «количественников») у социологов двух групп различаются. В других странах различия, впрочем, могут оказываться меньшими или в принципе отсутствовать.

В этой связи возникает второй вопрос, а в какой степени различные сообщества социологов соответствуют тому описанию социологии, которое предложено в статье В.В. Радаева. Так, например, «качественники» скорее всего согласились бы с описанием социологии как дисциплины, стремящейся к «сложному» описанию казалось бы «простых» социальных явлений (Nassehi, 2008). В то же время для многих «качественников» идея формулировки «модели человеческого

поведения» является неприемлемой; они отклоняют не только количественные методы, но и, в предельном случае, принцип воспроизводимости научных результатов и их независимости от конкретного исследователя. «Количественники» вполне открыты к теории рационального выбора — хотя сегодня Академия социологии предпочитает описывать свой подход как «эмпирически-аналитическую социологию»², многие из них выросли из сообщества, называвшего себя «социологией рационального выбора» (Kron, Grund 2010).

В конечном счете, определить конкретный «общий элемент», интегрирующий всех их представителей в единое сообщество, для многих наук оказывается невозможным — и (немецкая) социология является прекрасным тому примером. В других науках «общий элемент» может быть скрыт и неотрефлексирован — например представление об экономике как о «науке о причинно-следственной идентификации», хотя и во многом описывает исследовательские практики самих ученых, вряд ли можно найти в учебниках экономики (это связано с маргинальным положением методологии экономики — науки, которой вроде бы и полагалось бы заниматься подобной рефлексией — в структуре экономических дисциплин). При этом существуют и новые «синтетические» сообщества (скажем, науки о коммуникации), границы которых накладываются на и так зыбкие границы научных сообществ. Междисциплинарный диалог, который, как минимум, на словах приветствуется во всех общественных науках (даже экономисты, как показывают последние данные, преодолевают определенную изоляцию их дисциплины, см. (Angrist et al., 2020)), еще больше усложняет картину — так, например, «количественные» и «качественные» социологи обычно ищут для себя «партнеров» в различных дисциплинах.

Иначе говоря, построить картографию общественных наук сегодня гораздо сложнее, чем кажется. Во многих случаях исследователи вспоминают о ней или в рамках преподавательской деятельности (где давать те или иные определения дисциплин необходимо), или в рамках процедур найма (где критерии оценки «качества» ученых определяются отдельными дисциплинарными сообществами или их сегментами). Академические дисциплины сегодня гораздо ближе к племенам (Becher, Trowler, 2001), члены которых самостоятельно определяют правила, по которым они живут, чем к цехам в системе разделения наук. Самое точное — и единственно возможное — определение экономики, социологии или политологии — это то, чем занимаются экономисты, социологи и политологи; причем понять, чем же именно занимаются представители той или иной дисциплины, на практике можно только став ее частью (в некоторых дисциплинах их основные характеристики являются более эзотерическими, чем в других). При этом представители отдельных племен рьяно защищают границы своих научных сообществ — например, если речь идет о процедурах найма. Иногда риторическим приемом, использующимся для построения этих границ, является то или иное описание других дисциплин как близких или далеких «своему» сообществу, — порой не имеющее ничего общего с тем, как эти дисциплины функционируют.

² https://akademie-soziologie.de/wp-content/uploads/2023/10/Grundsaeetze-der-analytisch-empirischen-Soziologie_AS_2019.pdf. Чтобы усложнить ситуацию, стоит вспомнить, что существуют и другие традиции в социологии, использующие само-описание «аналитическая» (Hedström, Bearman, Bearman, 2009).

Кризис социальных наук и технологическая революция

Проблема второй дискуссии, которая находится в центре внимания статьи В.В. Радаева, состоит в том, что вести ее непосредственно в момент внедрения новых технологических инноваций крайне сложно (и при этом такие дискуссии велись уже не раз в прошлом — и скорее всего будут не раз происходить в будущем). Большинство наблюдателей в той или иной степени окажутся жертвой одного из двух искажений. С одной стороны, возникает соблазн представить текущую ситуацию как уникальную, беспрецедентную технологическую революцию, не имеющую аналогов в истории (или, как минимум, сопоставимую с другими грандиозными технологическими эволюциями), переоценивая значимость происходящего³. С другой стороны, многие исследователи (и, кстати сказать, бизнес-практики — что часто ведет к грандиозному краху успешных компаний) не обращают внимания на происходящие изменения, переоценивая инерцию общества. Избежать одного из этих искажений практически невозможно — отсутствие временной дистанции просто-напросто не позволяет адекватно оценить значимость (или отсутствие таковой) тех или иных инноваций. Даже специалисты в области конкретных технологий (которыми обществоведы обычно не являются) спорят об их реальном потенциале (как это происходит сегодня в отношении искусственного интеллекта).

Вопрос, однако же, состоит не только в том, что означает внедрение тех или иных технологий для общества, политики и экономики, но и в том, что эти технологии означают для общественных наук. Здесь можно обратить внимание на два принципиальных уровня воздействия. Во-первых, новая социальная реальность может сделать необходимым появление принципиально новых теоретических инструментов ее описания. Во-вторых, технологии могут повлиять на методы общественных наук — доступность данных и их применимость для конкретных исследований. И именно в этом отношении существует немало вопросов.

Даже если допустить, что инновации принципиально изменяют некоторые практики общественной жизни, неясно, теории *какого уровня* придется из-за этого пересматривать. Теории общественных наук по-разному относятся к изменениям общественной реальности (И. Валлерстайн описывает эти различия и использованием различных категорий времени (Wallerstein, 1998)). Упрощенно можно указать, во-первых, на теории, которые сознательно формулируются таким образом, что социальный контекст для них практически ничего не значит. Например, базовые модели экономики применимы к широкому спектру социальных ситуаций, просто за счет нового определения значения переменных. Так, например, теория принципал-агентских отношений может описывать отношения между политиками и бюрократией, между работодателем и работниками или между родителями и детьми. Во-вторых, некоторые модели и теории имеют сугубо конкретный характер и описывают конкретную социальную реальность — и полностью теряют свое значение при ее изменении. И в-третьих, существует класс теорий, которые не являются настолько абстрактными, как общие модели рационального выбора, но в то же время описывают эволюцию общества на протяжении очень длительного периода (или изменение общественных учреждений в пространстве), с постоянно меняющимся социальным контекстом. Примерами

³ Достаточно вспомнить восторженные описания «новой экономики», появившиеся незадолго до краха доткомов в начале XXI в. (Means, Schneider, 2000).

являются стадийные теории развития общества (к которым относится и марксистская), теории «вариации капитализма» (*varieties of capitalism*) в социологии, типологии политических систем в политологии или теории «порядков открытого доступа» и «порядков закрытого доступа» в экономической науке.

Рассуждения о кризисе общественных наук под воздействием меняющихся общественных реалий касаются прежде всего именно этого третьего типа теорий (теории второго типа ориентированы на относительно краткий горизонт времени). В принципе можно представить себе ситуацию, когда сами основы человеческого поведения так сильно изменятся, что уже требуется трансформировать теории первого типа (и В.В. Радаев считает такой сценарий в текущей ситуации не невозможным), но это — очень сильное допущение. Теории третьего типа действительно, как минимум, в некоторых случаях оказываются не способными пережить технологические революции. Однако и в отношении этих теорий определенная осторожность необходима. О «конце капитализма», например, наблюдатели рассуждали уже не раз (достаточно вспомнить теории конвергенции середины XX в.), но в итоге базовые экономические принципы, на которых основано преимущество (и устойчивость) рыночной экономики, оказывались неизменными — трансформировались лишь конкретные формы и способы организации рыночной экономики. Конечно, нельзя полностью исключать сценария, согласно которому появление новых технологий обработки информации так или иначе лишит рынок его принципиального преимущества — «процедуры познания» (Наук, 2002). Однако нельзя забывать, что предыдущие дискуссии подобного рода (например, социальная роль кибернетики) переоценивали возможность трансформации общества.

Но даже если те или иные существующие теории третьего типа не переживут революции искусственного интеллекта и платформенного капитализма — а это станет поводом рассуждать о существовании кризиса лишь тех общественных наук, в которых именно теории третьего уровня имеют конституирующий характер. Это справедливо для некоторых областей социологии, но не для экономики, оперирующей скорее теориями первого и второго типов.

Осторожность требуется и при обсуждении порожденных технологическими инновациями методологических вызовов для общественной науки. Действительно, мир больших данных создает принципиально новые исследовательские возможности, в сравнении с теми, которые существовали в прошлом. Однако эти возможности не обязательно соответствуют тому, в чем заинтересованы те или иные общественно-научные дисциплины. Например, для экономистов с их фокусом на эксперименты и причинно-следственные взаимосвязи гигантские массивы в конечном счете описательных (*observational*), а не экспериментальных данных, могут быть менее интересными, чем относительно небольшие по числу участников эксперименты. Понять, изменится ли под воздействием новых массивов данных интерес той или иной науки, заранее также сложно (Либман, 2025). И уж совсем неприемлемым для экономистов будет отказ от исследования механизмов, лежащих в основе тех или иных корреляций переменных, — а эти механизмы обычно описываются ими через «микрофундирование», т.е. поведение отдельных агентов. Даже если вычислительные модели будут успешно справляться с предсказаниями, но не будут давать описания подобных механизмов, они скорее всего ока-

жуются менее интересны для академических экономистов. Иначе говоря, опять же, внутренняя логика дисциплины делает ее более или менее подверженной кризисным явлениям и необходимости трансформации.

Заключение

Статья В.В. Радаева поднимает крайне важные вопросы для понимания эволюции общественных наук. Она представляет собой блестящий анализ как динамики границы дисциплин, так и ее трансформации под воздействием внешних факторов – таких как технологические революции. И все же при обсуждении ее выводов требуется определенная осторожность. Картография общественных наук имеет гораздо более сложный и неоднозначный характер; технологические революции становятся вызовом для одних дисциплин (с определенной организацией внутренней логики теоретизирования и эмпирических исследований), но не для других. Все это разнообразие необходимо учитывать в дискуссии о будущем общественных наук.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Либман А.М.** (2024). «Зоопарк» эмпирических результатов: количественные исследования и прирост знания об обществе // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (65). С. 178–194. [**Libman A.M.** (2024). A 'Zoo' of empirical results: Quantitative research and accumulation of knowledge in social sciences. *Journal of the New Economic Association*, 4 (65), 178–194 (in Russian).]
- Либман А.М.** (2025). Текст-как-данные: экономическая перспектива // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 38–48. [**Libman A.M.** (2025). Text-as-Data: An economics perspective. *Issues of Economic Theory*, 3, 38–48 (in Russian).]
- Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Lu S.F.** (2020). Inside job or deep impact? Extramural citations and the influence of economic scholarship. *Journal of Economic Literature*, 58 (1), 3–52.
- Becher T., Trowler P.** (2001). *Academic tribes and territories*. Buckingham: Open University Press.
- Hayek F.A.** (2002). Competition as a discovery procedure. *Quarterly Journal of Austrian Economics*, 5 (3), 9–23.
- Hedström P., Bearman P., Bearman P.S.** (eds.) (2009). *The Oxford handbook of analytical sociology*. N.Y.: Oxford University Press.
- Kron T., Grund T.** (2010). *Die analytische Soziologie in der Diskussion*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Mas-Colell A., Whinston M.D., Green J.R.** (1995). *Microeconomic theory*. N.Y.: Oxford University Press.
- Means G., Schneider D.M.** (2000). *Metacapitalism: The e-business revolution and the design of 21st century companies and markets*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Nassehi A.** (2008). *Soziologie: Zehn einführende Vorlesungen*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Wallerstein I.** (1998). The time of space and the space of time: The future of social science. *Political Geography*, 17 (1), 71–82.

Поступила в редакцию 05.11.2025

Received 05.11.2025

A.M. Libman

Freie Universität Berlin (FU Berlin), Germany

Frontiers and crises of the social sciences: Difficulties of cartography

Abstract. The article by V.V. Radaev, with its detailed discussion of the dynamics of the development of economic sociology and social sciences in general, allows us to think about two interrelated problems, each of which is fundamental. First, what do the “boundaries” of disciplines and the scientific communities look like in modern reality, when it is becoming increasingly difficult to “draw” them (including due to the constant growth in the scale of interdisciplinary research). Secondly, how the fundamental technological changes of our time – for example, the heyday of the platform economy and artificial intelligence – are changing the main provisions of socio-scientific theories. At what point can we discuss about a fundamentally new reality that will no longer be described in the language of previously existing theoretical and empirical tools? In this remark, I will try to consistently analyze the main points of Radaev’s article, corresponding to each of these discussions. My main arguments boil down to two propositions. First, it is virtually impossible to describe the boundaries of the social sciences using predetermined criteria in today’s reality – indeed, these criteria themselves are rhetorical constructs used by researchers to maintain a monopoly over particular research topics or methods. In practice, the boundaries of the sciences are determined by the interests of scientists belonging to particular communities – and nothing else. Second, it is important to be cautious when assessing the consequences of technological progress for particular social scientific disciplines – these consequences vary greatly depending on the prevailing theories within these disciplines.

Keywords: *economic sociology, social sciences, economic theory.*

JEL Classification: A12, A14, D01, Z13.

For reference: **Libman A.M.** (2025). Frontiers and crises of the social sciences: Difficulties of cartography. *Journal of the New Economic Association*, 4 (69), 258–264 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2025_4_258-264

EDN: MESOGP